

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Воспоминания о В.А. Семенове

Вспоминая Виктора Анатольевича...

Жеребцов И.Л.¹

Remembering Viktor Anatolyevich...

Zherebtsov I.L.¹

¹*Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. ул. Коммунистическая, 26, 167000, г. Сыктывкар, Российская Федерация.*

Zherebtsov Igor' Liubomirovich, Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, FRC Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaia str., 26, 167000, Syktyvkar, Russian Federation.

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

© И.Л. Жеребцов

В далеком 1978 году я распрощался со своим школьным детством и поступил на исторический факультет Сыктывкарского государственного университета – тогда еще не имени Питирима Сорокина, а имени 50-летия СССР. Время было непростое, перестройкой еще и не пахло, наоборот, был так называемый «расцвет застоя». Это сейчас можно безбоязненно ругать правящую партию и правительство (а отъявленным храбрецам – даже, прости господи, самого президента), дискутировать на любые темы и в грош не ставить любой авторитет. А тогдашние идеологические рамки были весьма узкими, и колебаться можно было только вместе с

линией партии (если кто подзабыл – тогда партия была одна на всех). И вдруг, как глоток свежего воздуха – лекции по основам этнографии, которые читал нам Виктор Анатольевич Семёнов, появившийся в Сыктывкаре всего за два года до этого после окончания Ленинградского университета и аспирантуры при ЛГУ. Он думал, что приехал лишь на время, а оказалось – навсегда. Сыктывкар стал его второй родиной. Здесь, в относительно небольшом городе, как ни странно, Виктор Анатольевич, выросший и выбравший свой путь не где-нибудь, а во «второй столице» России, чувствовал себя вполне комфортно – и тогда, когда был еще не профессором и не доктором наук, а простым ассистентом без ученой степени, и тогда, когда стал и тем, и другим, а также Заслуженным работником науки Российской Федерации и Заслуженным работником Республики Коми...

Впрочем, тем, кому, как и мне, довелось повстречаться с Виктором Анатольевичем еще на заре его научной и педагогической карьеры и продолжить это знакомство в последующие годы, было ясно, что чины и звания в принципе не имели никакого значения – равно как и то, что именно Виктор Анатольевич преподавал или о чем писал в своих научных работах. Мне и моим сотоварищам повезло встретиться с Виктором Анатольевичем 42 года назад. Студенческие годы – особое время между школьным детством и взрослой работой. Мы не только получали новые знания, нужные для взрослой жизни – мы учились быть взрослыми. И одним из тех, кто стал нашим наставником на этом пути, был Виктор Анатольевич.

Он не выдавал нам на лекциях информацию для усвоения, а учил самостоятельно мыслить, своим примером показывал, что всегда можно и нужно быть самим собой, не бояться высказывать и аргументировано отстаивать свое мнение, уважая «классиков науки», но ничего не принимая бездумно на веру, не преклоняясь перед авторитетами. Мы учились у него не столько конкретным фактам, знаниям в той или иной области науки («Это вы и дома в книжке можете прочитать», – говорил сам Виктор Анатольевич), сколько самому подходу к науке, к исследованиям – да, собственно, и к самой жизни. Чрезвычайно важным для нас была нестандартность, неожиданность, смелость, даже дерзость его суждений. Собственно говоря, Виктор Анатольевич наставлял нас на путь истинный, учил быть критически мыслящими личностями –

такими, какими и должны быть настоящие исследователи. И приятно осознавать, что в случае со мной (по его словам, не моим!) у него это получилось.

Хотя, честно говоря, отношения мои с Виктором Анатольевичем поначалу складывались непросто. Он первое время относился ко мне с некоторым скептицизмом, вероятно, считая, что этот «папенькин сынок» оказался на историческом факультете не по своей воле, а лишь по настоянию отца (а Любомира Николаевича Виктор Анатольевич глубоко уважал), и пользы от этого ни мне, ни факультету не будет. Он не был ярким поборником жесткой дисциплины, но ко мне относился более пристрастно, нежели к моим сокурсникам. Стоило мне чуть-чуть отвлечься на лекции, как тут же следовал грозный оклик: «Я Вас сюда не звал, Вам дома папа всё расскажет!» Может статься, что в этом первоначальном отношении Виктора Анатольевича ко мне сыграл роль случай: как-то я, придя с занятий, с восторгом стал рассказывать отцу, что услышал сегодня от преподавателя на лекции по этнографии. (А услышал я, в частности, о том, что нельзя представлять сложный, противоречивый и длительный процесс происхождения человека слишком прямолинейно – мол, обезьяны всё умнели да умнели, а самая умная в конце концов взяла красный флаг и водрузила его на вершине холма). Любомир Николаевич, видимо, несколько удивился манере подачи этнографических знаний и, встретив вскорости кого-то из университетских преподавателей (догадываюсь, кого, но не скажу), передал свое удивление. Наверное, на кафедре это восприняли не иначе как критику со стороны маститого ученого в адрес молодого преподавателя и, видать, провели с Виктором Анатольевичем «беседу». Теплоты в наши отношения это не добавило...

Потом последовал марш-бросок под его руководством «на картошку» в село Черныш, где Виктор Анатольевич во всей красе явил нам свою кипучую энергию и невероятное красноречие, обильно сдобренное разноплановыми, но всегда доходчивыми народными выражениями, значительная часть которых предназначалась опять-таки мне и моим приятелям (Мише Клёнову и иже с нами), заметно отстававшим от «передовиков производства» в деле подборки картофеля: «Детский сад номер один! Жеребцов и компания! Вы бы еще лёжа картошку собирали!» – бурчал Виктор Анатольевич,

проходя мимо нас. Мы реагировали соответственно: завидя приближавшегося Семенова, демонстративно ложились возле грядки и делали вид, что именно лежа и собираем. Виктор Анатольевич хмурился и произносил в наш адрес еще что-нибудь не очень лестное...

Помнится, тогда мы с Сергеем Павлюшиным, Мишей Кленовым и Леней Юговым много и постоянно (во время работы и во время отдыха) рассуждали о революции (социальной, культурной, сексуальной...). С чего это началось, я уже подзабыл, зато помню, что Виктору Анатольевичу это порядком надоело (тем более что к нашим «революционным» рассуждениям с подозрением прислушивались сторонние люди), и устами нашего сокурсника Толика Гартмана до нас было доведено, что, мол, «заколебал Жеребцов своей революцией, хватит уже».

А однажды в том же Черныше я свалил полного дурака: во время обеда (или ужина, не важно) за нашим столом не хватило белого хлебушка (черный имелся в изобилии), и я стащил – для друзей, не для себя! – пару-тройку кусков с соседнего стола, где принимал пищу Виктор Анатольевич и группа моих сокурсников более старшего (послеармейского) возраста. Моя дерзость вызвала гнев (и справедливый, надо сказать) Виктора Анатольевича, мнение которого было передано мне тем же вечером его соседом по столу Володей Бабичем в очень краткой, но доходчивой словесной форме.

После возвращения к учебе лекции Виктора Анатольевича продолжились, и вскорости вокруг него сформировался небольшой кружок из моих сокурсников. Хотя правильнее будет сказать, что этот кружок (из студентов более старших курсов) уже существовал, а наши ребята (Дима Несанелис, Валя Кухарева, Таня Белич) влились в него и быстро стали играть в нем весьма активную, а порой и ведущую роль. Я в силу известной сложности наших с Виктором Анатольевичем отношений старался держаться от Семенова в стороне, однако ж перед сессией, набравшись храбрости, поинтересовался у него, нельзя ли сдать экзамен заранее. Виктор Анатольевич слегка удивился, но сказал, что ему всё равно, когда я буду у него экзаменоваться. Поразмыслив, я решил судьбу не искушать и отправился сдавать экзамен в указанные деканатом сроки, исправно ответил на все вопросы (и даже на дополнительные),

чем, видимо, Виктора Анатольевича опять несколько удивил, и он поставил мне «отлично». Это был один из двух первых (если не самый первый) экзамен, который я сдавал во студенчестве...

В 1979 году (если не ошибаюсь, в марте) на выборах «общественного декана» (были на истфаке такие игрища в демократию ко Дню факультета) мы с моим другом Димой Несанелисом выдвинули кандидатуру Виктора Анатольевича, обвешали весь корпус предвыборными плакатами и манифестами, спланировали и осуществили захват студенческой радиостанции (была такая в 4-м корпусе на ул. Старовского), и Дима зачитал воззвание к прогрессивному студенчеству с призывом поддержать истинно народного кандидата... Виктор Анатольевич был несколько ошарашен ставившейся на него популярностью, но воспринял всё стоически и с юмором. Впрочем, выборы он в тот раз проиграл старшекурснице Свете Бердашкевич, и мы с Димой громко возмущались «фальсификацией волеизъявления народных масс».

На первом курсе мы с моими друзьями увлекались сочинительством разных опусов: стихов, воззваний, рассказов и даже романов. Один такой, с позволения сказать», «роман» сочинил и я. Назывался он «Не пугайте “Черного кота”» и был представлен читающей факультетской публике (в единственном рукописном экземпляре) как детектив, в котором в качестве действующих лиц фигурировали студенты и преподаватели родного истфака. Виктор Анатольевич Семенов был выведен в этом «литературном произведении» как ведущий расследование сыщик Васов (В.А.С-ов). Сей опус нынче интересен не своим содержанием, а отзывами читателей, которые они оставляли на последних (чистых) страницах общей тетради, в которой и содержался текст «романа». Среди отзывов есть и автограф Виктора Анатольевича, который с иронией написал: *«Уважаемые авторы, очевидно, здоровый деревенский воздух, сконцентрированный над неким населенным пунктом, не способствует раннему интеллектуальному созреванию, но надо надеяться, что однажды всё-таки город сольется с деревней. И вдруг, всё может стать, и там и сям пробьются ростки если не гениев, то уже и не таких... Всё может стать. И всё-таки надежда меня не покидает. А вас?»*

После первого курса, во время археологической практики на далеких берегах Выми приключился такой казус. Мы с моим однокурсником Сергеем Павлюшиным как-то вечером, порядком подустав, решили отдохнуть на груде рюкзаков, накрытых брезентом. Но только Сергей (именно он, я настаиваю на этом!) присел на нечто, закрытое брезентом, как из-под него раздался истошный вопль Виктора Анатольевича, сопровождавшийся нелестными характеристиками в адрес осмелившихся потревожить его покой. Как выяснилось позднее, Виктор Анатольевич прилег отдохнуть и только-только начал погружаться в блаженную дремоту, как его сон был прерван самым грубым образом. Разумеется, пока Виктор Анатольевич с проклятиями и недвусмысленными угрозами выбрался из-под брезента, мы с Сергеем были уже далеко. Однако же действующие лица этой истории стали каким-то образом ведомы до глубины души обиженному Виктору Анатольевичу, а он почему-то (видимо, уже в силу сложившейся традиции) решил, что именно я потревожил его покой.

Осенью 1979 года Виктора Анатольевича назначили куратором стенгазеты, которой «рулили» опять-таки Дима Несанелис и я. В оном «полупечатном» органе мы как-то поместили стихи Виктора Анатольевича, весьма далекие от принятого тогда «соцреализма». Из скромности Виктор Анатольевич подписался инициалами, в результате чего произошел примечательный случай. Заместитель декана факультета, женщина суровой советской закалки, зайдя в деканат, во всеуслышание решительно осудила публикацию Жеребцовым и Несанелисом в стенгазете «каких-то непонятных стихов, призывающих невесть к чему», но явно не к победе коммунистического труда, и призвала выяснить, кто коварно скрылся за инициалами В.С. и примерно наказать его. Находившийся в это время в деканате Виктор Анатольевич невозмутимо сообщил, что он и есть автор сих возмутительных виршей. Повисла неловкая пауза... И дело против нас, стенгазетчиков, окончилось, не начавшись. Потом, правда, появились еще «дела», но это уже другая история.

Неформальное общение позволило нам с Виктором Анатольевичем получше узнать друг друга. С годами наши отношения наставника и ученика, мастера и подмастерья переросли во вполне приятельские и даже дружеские. Мы часто

встречались в формальной и неформальной обстановке, накопили массу разнообразных впечатлений. В конце 90-х годов я выпустил под псевдонимом И.Саид книжку своих прозаических и стихотворных опусов. Журналистка газеты «Республика» почему-то решила, что под этим псевдонимом скрывается Виктор Анатольевич и опубликовала в газете заметку, о том, какой он молодец, всё успевает, вот и такую книжку еще издал. Когда после моего звонка в редакцию выяснилось, что он тут ни причем, нам с Семеновым в качестве компенсации за моральный ущерб выделили по полугодовой подписке на это печатное издание. Виктору Анатольевичу нравилось время от времени вспоминать эту историю...

Мы побывали вместе в разных городах и странах – в Финляндии, Швеции, Дании, Норвегии, Эстонии, Турции, Греции, чувствовали себя в обществе друг друга вполне комфортно, несмотря на разницу в возрасте и разный режим (он предпочитал рано вставать и рано ложиться, а я – наоборот), собирались посетить Испанию, Португалию, Исландию, Армению и бог знает что еще. Увы, этим планам не суждено было сбыться...